

Г. Е. ЛЕБЕДЕВА

К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ А. П. РУДАКОВА

Научная судьба Александра Петровича Рудакова своеобразна. Он вошел в историю византистики как автор одной книги: помимо «Очерков византийской культуры по данным греческой агиографии»¹, после Рудакова не осталось ничего, кроме названий студенческих работ (самые работы в архивах отсутствуют, хотя и числятся в описях) и программ университетских курсов. Однако вклад этой примечательной книги в наше постижение сложной, а во времена ее создания почти совсем не познанной области средневековой культуры трудно переоценить. Мало кто не использует «Очерков» и не опирается на их богатейшие материалы и в наши дни. 50 лет спустя после выхода в свет «Очерки» до такой степени не утратили научного значения, что во Франции, по инициативе П. Лемерля, готовился их французский перевод, а в Англии в 1970 г. «Очерки» вышли с предисловием Д. Оболенского².

По словам самого Рудакова, в 1917 г. был опубликован лишь сокращенный вариант «Очерков». Собранные им агиографические данные, характеризующие семью, образование, религию и нравственность Византии, должны были послужить материалом для другого исследования, которое автор начал готовить к печати³. К сожалению, не удалось установить, какова дальнейшая судьба этой работы.

Имя А. П. Рудакова в настоящее время пользуется заслуженной известностью в зарубежной византистике. Однако в историографии значение его «Очерков» до сих пор еще в полной мере не оценено. Обычно авторы, использующие в своих исследованиях «Очерки», отмечают лишь негативные стороны труда А. П. Рудакова⁴, известную статичность изображения византийской жизни, критикуют его взгляды, согласно которым на протяжении всей истории Византии «ее общественный строй не претерпевал никаких изменений, и византийское общество представляло собой образец застоя и косности»⁵.

Позитивные же стороны труда А. П. Рудакова, то, что и сегодня побуждает обращаться к его работе, пока не суммированы. Начать с того, что «Очерки» дают мастерски исполненную и, главное, многогранную в своих внутренних связях, живую и широкую картину жизни византийских городов. Начитанность автора позволила ему по крупице собрать огром-

¹ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.

² А. Р. Rudakov. Ocherki vizantiyskoy kul'tury po dannym grecheskoy agiografii. London, Variorum Reprints, 1970.

³ А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 2.

⁴ См., например, Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город. Л., 1962, стр. 4; И. П. Медведев. Проблема мануфактуры в трудах классиков марксизма-ленинизма и вопрос о так называемой византийской мануфактуре. — В кн.: «В. И. Ленин и проблемы истории». М., 1970, стр. 391—393.

⁵ А. П. Каждан. А. П. Рудаков. — СИЭ, т. 12.

ный историко-культурный материал, знакомящий с комплексом самых разнообразных вопросов и реалий византийской жизни. В «Очерках» освещены городской быт, деревня и поместье, условия жизни различных классов и групп населения, ремесло и торговля, быт столицы и провинции, техника ремесленного производства и т. д. Много внимания уделено, в отличие от господствующего в начале века *usus'a*, судьбе непосредственных производителей, благодаря чему книга А. П. Рудакова и «заняла видное место среди исследований по социально-экономической истории Византии»⁶.

А. П. Рудаков одним из первых в русской науке обратился к изучению проблем, связанных с городом. Он пытался использовать для общей характеристики жизни византийских городов свыше 200 агиографических памятников IV—XII вв. Обширный агиографический материал, содержащий сведения о жизни Константинополя и провинциальных городов (причем Рудаков отметил специфику социальной жизни византийской провинции и провинциальных городов), был систематизирован и самым тщательным образом проанализирован автором. Все это сделало, по мнению Д. Оболенского, книгу А. П. Рудакова «по характеру уникальной»⁷.

Но, помимо богатейшего фактического материала, «Очерки» имеют и то важное преимущество, что автор их еще в 1917 г. обратился к изучению тех проблем, актуальность которых была в полной мере практически осознана лишь в последующее время. Мы имеем в виду социальную жизнь города, вопросы социальной психологии и демографии, исследование терминов, характеризующих социальные отношения. Этим, однако, не исчерпывается значение книги А. П. Рудакова: оно далеко выходит за рамки ее названия, и потому исследователи, с какой бы точки зрения они ни подходили к агиографии, неизбежно должны будут обратиться к этой работе. Особый интерес представляет обширное «Введение», в котором наряду с критической оценкой агиографии как культурно-исторического источника, содержится и ряд отдельных очень важных замечаний о характере византийской литературы⁸ и литературных особенностях памятников агиографического жанра. Большую практическую ценность книге придает «Приложение», в котором автор дает «перечень и краткий критический обзор тех изданных в подлинниках, переводах или изложениях житий, легенд, собраний чудес»⁹, которые им использованы.

Почти ничего не известно о творческом пути А. П. Рудакова. В нашей научной литературе этому посвящено лишь несколько строк¹⁰, а в зарубежной, даже в солидных научных изданиях, биография А. П. Рудакова излагается недостаточно точно. Так, Д. Оболенский в аннотации к английскому изданию «Очерков» пишет, что А. П. Рудаков «исчез в смятении Октябрьской революции»¹¹, что весьма далеко от действительности, поскольку он умер 15 декабря 1940 г. в Туле, будучи профессором Тульского пединститута. Это и побудило нас собрать более подробные сведения о биографии и научном пути А. П. Рудакова. Розыски в архивах Москвы, Ленинграда, Тулы, встречи с вдовой ученого, его сослуживцами и друзьями позволяют восстановить основную канву творческой биографии исследователя и его судьбу после выхода «Очерков».

Рудаков родился в Туле 21 января 1886 г. в семье ремесленника-оружейника¹². Может быть, этим и определялся его особый интерес к исто-

⁶ З. В. Удальцова. Очерки истории и исторической науки в СССР, т. 3. М., 1963, стр. 532—533.

⁷ См. Ocherki. . . , р. 1.

⁸ А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 6 сл.

⁹ Там же, стр. 11, 225—262.

¹⁰ См. А. П. Каждан. Указ. соч., Краткую характеристику «Очерков» дает и З. В. Удальцова (Указ. соч., стр. 532—533).

¹¹ См. Ocherki. . . , р. 1.

¹² Московский исторический архив, ф. 418, оп. 318, ед. хр. 1024.

рии ремесленного производства города, который так ярко проявился в «Очерках». С 17 лет он жил уроками и репетиторством, в 1904 г. поступил в Московский университет, в котором учился на кафедре всеобщей истории. Можно говорить о двух формирующихся направлениях его интересов — русская история XVI—XIX вв. и история восточных провинций Римской империи. В 1907 г. А. П. Рудаков получил премию Исакова за сочинение по русской истории «Боярство и самодержавие в XVI в.»¹³, в 1908 г. — золотую медаль за работу на тему «Аграрный вопрос в политике и литературе последних десятилетий римской республики»¹⁴. В 1909 г. он окончил Московский университет с дипломом первой степени и в том же году опубликовал в журнале «Гермес» (№ 8—10) интересную исследовательскую статью «Defensor civitatis в римском императорском законодательстве».

Статья привлекает не только критическим разбором важнейших появившихся к тому времени исследований, раскрывавших характер рассматриваемого института, но и стремлением рассмотреть его как «важный элемент в истории социальной политики поздней империи»¹⁵, более четко определить социальную значимость явления в жизни позднеримского общества. В этой работе только что оставившего студенческую скамью молодого ученого намечается новый в русской науке подход к изучению эволюции городских учреждений с опорой на законодательный материал. Рудаков попытался очертить картину эволюции социальной жизни города и обнаружил в институте дефензоров не только проявления «общественной самодеятельности», но связал его развитие с важными изменениями в социальных отношениях¹⁶.

Прослушанные Рудаковым в университете курсы свидетельствуют о большом его интересе к истории литературы, социальных и политических учений, проблемам права, быта и культуры. Одним из его учителей был Павел Гаврилович Виноградов, написавший два ходатайства об оставлении А. П. Рудакова в Московском университете для подготовки к получению профессорского звания по кафедре всеобщей истории. В ходатайстве А. Г. Виноградова мы читаем: «А. П. Рудаков обладает необыкновенной начитанностью, огромным трудолюбием и жадностью знания. В своих письменных работах и при обсуждении рефератов он обнаружил незаурядную наблюдательность и способность обращения с историческими фактами»¹⁷. В сохранившихся отчетах за эти годы в заседаниях Основного отдела комитета Министерства народного просвещения учителя А. П. Рудакова дают самую высокую оценку его научным занятиям¹⁸. В отчетах же самого Рудакова за 1911—1912 гг. обращает на себя внимание оригинальная по тем временам проблематика исследуемых вопросов: финансовая организация греко-римского Египта, государственное право принципата, греко-римский эмфитевсис, религиозный синкретизм в Римской империи, эволюция муниципального строя, крестьянские движения в Византии¹⁹. Среди его пробных публичных лекций следует отметить «Роль восточных культов в религиозном движении II и III вв. в Римской империи»²⁰.

В 1913 г. А. П. Рудаков сдавал при Петербургском университете магистерский экзамен. Темой его клаузурного сочинения был «Первый афин-

¹³ Московский исторический архив, ф. 418, оп. 87, ед. хр. 313.

¹⁴ Там же.

¹⁵ А. П. Рудаков. Defensor civitatis в римском императорском законодательстве. — «Гермес», 1909, № 10, стр. 364.

¹⁶ Там же, № 8, стр. 305.

¹⁷ Московский исторический архив, ф. 418, оп. 87, ед. хр. 313.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

ский морской союз»²¹. В удостоверении, выданном Петербургским университетом, сообщалось, что «Александр Петрович Рудаков выдержал в заседаниях факультета в 1913 г. установленные испытания на степень магистра всеобщей истории, но не предоставил еще диссертации»²². В 1914 г. А. П. Рудаков был утвержден приват-доцентом Московского университета²³. В 1917 г. вышли «Очерки». Вероятно, они и представляли собой подготавливавшуюся им к защите магистерскую диссертацию.

С 1918 г. А. П. Рудаков стал профессором Московского университета и одновременно профессором Тульского учительского института. Знания Александра Петровича, его талант высоко ценили крупнейшие наши византинисты. Ф. И. Успенский в 20-е годы привлекает А. П. Рудакова, «как знатока византийской литературы», к работе византийско-русской Словарной комиссии, о чем сохранились соответствующие данные в фонде комиссии²⁴. Однако мы не располагаем, к сожалению, сведениями о реальном участии Рудакова в работе комиссии.

В 20-е годы, как сообщает профессор Тульского пединститута В. Н. Ашурков, «передовые тульские педагоги — приват-доцент Московского университета А. П. Рудаков. . . и другие — на основе ленинских декретов провели огромную работу по спасению и концентрации архивных материалов, выявлению и учету памятников искусства»²⁵.

Вдова ученого, В. Н. Рудакова, вспоминает, что «с начала революции началась новая большая работа»: А. П. Рудаков был привлечен к организации народного образования, преподаванию в Тульском пединституте и на рабфаке, работе в газете, на учительских курсах и т. д. Эта разносторонняя деятельность надолго поглотила время Рудакова, хотя его никогда не оставляла мечта вновь вернуться к истории Византии. Она частично реализовалась в его многочисленных лекциях в пединституте и в различных курсах (лекции по истории Рима, Византии, истории религии и культуры). По воспоминаниям его младших коллег, лекции А. П. Рудакова пользовались огромной популярностью, слушать его приходили студенты из самых различных учебных заведений города.

Глубокий интерес к литературе как источнику сведений о жизни и культуре, столь явственно отразившийся в «Очерках», вел А. П. Рудакова дальше — от агиографии к памятникам поэтического творчества. В 30-е годы он много занимается переводами.

Но в его преподавательской и исследовательской работе в силу условий и потребностей того времени возобладала иная линия, связанная с его интересами к прошлому России. Сюда тянется нить еще от его первых студенческих исследований. В 1916 г., еще до появления «Очерков», вышла брошюра Рудакова «Тульский кремль», в 1923 г. — «Очерки из истории Тулы и тульского края», в которых рассматривалась история этих мест с доисторических времен до 60-х годов XIX в. Книга стала одной из первых марксистских работ по истории Тульского края и приобрела популярность именно потому, что в ней А. П. Рудаков продемонстрировал свои лучшие исследовательские черты. На основании тонкого и разностороннего анализа данных писцовых книг и других источников он сумел показать, как развивались материальная жизнь и духовная культура, быт и нравы.

Очень велик вклад А. П. Рудакова в изучение и охрану памятников культуры Тулы и Тульской области²⁶, и не случайно в Тульском музее под его портретом рядом с «Очерками византийской культуры» находятся «Очерки из истории Тулы и Тульского края».

²¹ Ленинградский исторический архив, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 165.

²² Там же.

²³ Московский исторический архив, ф. 418, оп. 87, ед. хр. 313.

²⁴ Архив АН СССР, ф. 126, оп. 2, протоколы № 1 и № 2.

²⁵ В. Н. Ашурков. Говорит прошлое. — «Коммунар». Тула, 1970, июнь.

²⁶ См. там же.